

Сказание о временах и судьбах

Михаил Иванов

(Светлой памяти сестрёнок Марии, Елены,
Галины, Лилии, Тамары, брата Петра)

На той войне, войне Великой,
Когда на всех одна судьба,
Я и сегодня слышу крики,
Помню то время и себя,
Домой бредущего дорогой.
Был жаркий полдень, сенокос.
В тот «черный день», сорок второго,
Родным я квасу не отнёс...
Вот и колодец, палисад.
Машина у крыльца.
Сестрёнки в кузове галдят.
Нетрезвый полицай.
В доме невнятно речь звучит,
Чужая - не понять.
Сердце тревожно так стучит,
Молотит – не унять.
Девчата тянутся ко мне,
Зовут к себе... Куда?
Все происходит, как во сне,
Но наяву - беда!...
«Ты чей малец?» – глядит в упор
Каратель с винтарём.
«Чужой, соседский, вон их двор», -
сестра знак подаёт.
Только девчата тут причём?..
Каратель смотрит, ждёт.
«А ну-ка, шустрый, подойди!» -
Качнулся, сделал шаг.
Мария машет: «Уходи!..»
И припустил я во весь мах.
И выстрел прозвучал.
Но не достиг, истаял страх,
Не он во мне кричал...
Школа, осинник... вот и гать,
Болото, след лосиный.
Тут не забыться, угадать,
Где жертву ждёт трясина...
В лесную глушь туда, туда!

Деревня Барсучина.
Там брат Петро, отряд. Беда!
И так страшна причина...
Над лесом вороны. Беда!
Уж ночь, а путь далёк.
Где та последняя верста?..
И вот он – огонек!..
Приказ короток: «Срок два дня.
Берём фрицев живьём.
Девчат на пленных обменять, -
И взмах руки, - возьмём!..»
Мне наказал: спешить назад.
Узнать и проследить,
Куда направили девчат?
Родных предупредить...

Районный город Городок,
Укрепрубеж, Управа...
Дом тёти Кати недалёк:
По Полоцкой, направо.
Крутой уклон, малинник, сад...
Едва не проглядел:
В саду лакомится солдат.
Но прошмыгнуть успел...
Тётка Катюха, фрица два.
Закуска, шнапс – запомнил.
Один, картавя сплёл слова.
Кручу башкой: «Не понял».
Фриц что-то тётке говорил.
«За молоком, племяш мой», -
Подала жбан, дверь отворив, -
Спросила: «Что с семьёй?»
Тянули фрицы шнапс, вино.
Мы у дверей стояли.
Я прошептал только одно:
«Девчат, наверно взяли»...
Попил с устатку молока.
Иду, шагаю споро.
Тяжесть в руках не велика...
Река, брусчатка в гору.
Малость запыхался. И вот
Колонной по дороге
Идёт в молчании народ,
Еле волоча ноги.

Фриц-конвоир всего один,
Правда, с овчаркой злющей.
Верзила с винтарём, блондин,
Жующий и плюющий.
Вдруг вижу я, как из колонны,
Еврейку кроху увела
Дева из местных, лет преклонных.
Но как отчаянно смела!..
Нема колонна. Не заметил
Ариец, может не хотел.
Он «богом» был на этом свете,
На тот покаместь не успел.
Стою как вкопанный. И страх
Отхлынул: «Девчат нету!..»
Однако вовсе не дурак -
Попасть в колонну эту.
Свернул за угол тропкой в сад.
Беда, везде беда...
Старик, похоже, мне не рад:
Откуда, мол, куда?..
Как на духу всё рассказал.
А там, что будь, то будь!
Дед трубку выбил, помолчал:
«Дорогу не забудь
На «Воробьёвы», всех - туда.
Никто не уцелел.
Там, где германец, всем - беда.
В таких делах он смел.
Бандиту от веку неймётся.
Бывало на Руси:
Грохочет, прёт, ан кувыркнётся.
Но впился, паразит!
Немец на то ба-альшой мастак, -
И тут же наказал, -
Глянешь, увидишь: что и как,
И «хуценько» назад.
Держись болотцем, вдоль озёр.
Чай островок не сплыл.
Дальше - ни-ни! Твой глаз востёр.
Дай боже тебе сил!
Я тут в Управу загляну, -
Кивнул мне, - все путём.
К людям, знакомым заверну,
Авось, след и найдём...»

Камыш, болотце, островок.
Мостками пробежал.
В траве за кочками залёг.
Тихонько наблюдал.
Из-за кустов не ясно, смутно,
Но всё же вижу, нету слов!..
Собак рычащих поминутно
Просто спускали с поводков.
И жертвы в ужасе немели,
Сгрудившись в плотную толпу,
И слово вымолвить не смели,
Приняв злодейство, как судьбу...
Девчат не видно, тогда кто же -
Вон там вдвоём, совсем одни.
И по одежке вроде схожи,
Но почему только они?..
Лишь позже весть дойдёт случайно
О том, что в доноры детей
Рейх отбирал здоровых, тайно
Для битой армии своей.
Разве фашиста ужасало,
Чью на корню он жизнь ломал?
Чьё рядом тельце угасало.
Разве он думал, понимал?!..
Ну, а пока, пока картина
Иная правила и жгла,
Когда вперёд шагнул детина
Вся суматоха прочь ушла.
Он был один парнишка рослый,
В простой кепчонке, молодой.
Один среди притихших взрослых,
Как Витязь, вставший над бедой.
И голос: «Вы, земная нечисть!
Давайте, действуйте, вперёд!
Вас раздавить бы всех, да нечем,
Но он придёт и ваш черёд!..»
За тучи солнце уплывало,
Когда со «шмайсером» юнец
Шагнул, ему и предстояло
Сказать, какой он в деле спец.
Шагнул, пригнувшись, такой случай!
Он первым был, он воевал.
И знал, кому какую участь
Определит свинцовый шквал...

И солнце вдруг ушло, пропало.
И показалось мне на миг,
Что небо на землю упало,
И слышу я знакомый крик!..
Еще трудились автоматы
По одиночкам и в упор!..
Живы и дышат – виноваты!
В чем? Я не знаю до сих пор...
Утих «шабаш». И у оврага
Остались память, боль и грусть...
Бежал ли я, иль плёлся шагом,
Сказать о том я не берусь.
Лишь помню: сыпали дождейки,
Хотя все было так давно.
Мои ль? Небесные слезинки?
Тогда мне было всё равно.
Теперь картину зримо, смело
Рисуют разум и слова.
И то, как изморозью белой
Моя покрылась голова...

И вот пришло и накатило,
Как в шторм гремящая волна.
За всё убийцы заплатили,
И получили все сполна:
Бургомистр собственной персоной
(Он ещё зону не забыл)...
Свой человек был в гарнизоне.
И банду всю в поход подбил.
Пора, мол, душу позабавить,
И показать округе всей,
Кто на просторах этих правит,
Как принимать надо гостей.
А заодно и «шмон» в натуре
По деревням и по дворам.
Сало и яйца, масло, куры.
Как будто шли к обедне в храм...
Не долго ехала, шагала
«Рать» под веселое «шнель!».. «шнель!»..
Как вдруг с самих небес упала
Свинцовой тяжестью метель...
Спасенья нет в кольце засады.
Пылало, жгло со всех сторон,
И прорывалось, било: «Гады!»...

И не жалел отряд патрон...
Утих огонь над полем брани
Последний выстрел прозвучал...
Кто жив остался и не ранен,
У ямы вырытой стоял.
Стояли тихо, словно тени.
Бесславен путь, как и конец.
Вдруг опустился на колени,
Уронив голову, юнец...

Эпоха! Где твои границы?
Кто что обрел, кто потерял?
Чьей сокрушительной десницей
Повержен враг, кто устоял?..
Не ваши ль планы, либералы,
Под сенью нынешних знамён
Осуществили «генералы»,
Пойдя «ва-банк» за власть и «трон»!
А может в годы переделов
Не ваш прозападный угар
Страну отбросил за пределы.
«Где и телят не пас Макар»...
Достоинства священные огни
Чей осветили нынче путь?
Мне говорят: «Не посягни!
И все, что было, позабудь:
Хатынь и пепел Освенцима,
И Бухенвальда скорбный звон,
Багровый гриб над Хиросимой,
И душ сгоревших вечный стон.
Тех, кто ушел, исчез бесследно...
Забудь могилы без крестов,
Где только ветер гимн Победный
Поет без пафоса и слов.
Забудь страну Великих строек,
Забудь народной воли крик.
Прими болотный тлен помоек
И строй беспомощных владык»...
Кто и какие воля, разум,
Кто подведёт какой итог,
Когда на спуск жмет раз за разом
Юнец под флагом «с нами Бог»?
Не оттого ль, что «крест заморский»
Славянской верой так проник,

Что дал «добро», как клерк конторский,
Бандитской швали на «Блицкриг»...
Теперь мы все, вроде, славяне,
Но свастика, как гиря на весах,
Колелется туда-сюда и тянет,
Она не только в душах и словах:
Её лелеют бывшие убийцы.
Она как вызов... Кто её забыл?..
Шагает строй ветшающих «арийцев»,
Как призраки, в мундирах из могил.
Глазеет Запад (стыд глаза не выест),
Забыв, как лёг под кованный сапог.
(Свинья не съест и бог не выдаст)
Какая разница, кто под кого там лёг...
И слышу я сегодня: мол, напрасно
«Черту» с семьей тогда я перешёл:
Сестрѐнки совсем юными угасли,
И старший брат к Победе не дошёл.
И младший, получив чужой осколок,
Полуслепой прошел нелѐгкий путь...
И ныне не бездействует тот молох.
И пусть себе старается, забудь!
Забудь, как гасли в горестях родные,
Рассудок к концу жизни потеряв,
Ослепшие от горьких слез, немые,
От самой жизни горестной устав...
Теперь же вы считаете потери.
Вопите: «Не умели воевать!»
Но правда в том, что глухи, как тетери,
И... слепы вы кого-то обвинять!
Какой «чертой» скажите, мерить можно,
Кто жизнь свою за что и где отдал.
У той ли, где предать было возможно,
Или кто насмерть у «черты» стоял?!
Вы и теперь воюете с народом,
Творцы чужих ветшающих идей.
И если уж равнять с Победным годом,
Не меньше нынче горя и смертей.
Вы, как веревками, опутаны долгами.
Но «звездный час» покаместь не настал,
Когда проглотит всех вас с потрохами,
Глобальной диктатуры Капитал!
И можно утверждать вполне резонно,
Что в мире этом злобном «кто есть кто»
Мы знаем их в лицо и поименно,

К рукам прибравших теле и кино.
Где правит бал давно «бизнес-элита»
Коррупции достойные сыны,
Жирующих у «тронного корыта»,
Далеких от народа и страны!..
О, вы – скопцы, «продажных шкур» потомки,
Хулители истории, лжецы!
И в ясный день бредёте, как в потемках,
Бандитской швали «крестные отцы»...
Забыт тот счет, лишь кое-где теплится,
Победный счет Нюрнбергского суда,
Вам бы в церквях креститься и молиться,
Что вас минула «черная страда»...
А может вы к подножью мавзолея
Бросали сотни вражеских знамен,
И с каждым годом злобствуя, наглея,
Как псы, визжите в лад со всех сторон.
Но твёрд гранит в молчании суровом.
Его не задрапируешь тряпьем,
Не осквернишь ни деяньем, ни словом.
Не тот, трусливых замыслов, объём!
Вас не «колышет» мысль совсем простая:
В те грозовые, смертные года
Если б не мы, не братство, и не Сталин,
То где бы вы все были, господа?!
Орали бы «зиг хайль!» самозабвенно,
Где право сильных: «меч и всё моё»...
Скорее бы исчезли безыменно
За вратами, где «каждому своё».
Где вечный мир обещан всем входящим,
Под песенку шнель!.. шнель!., то есть скорей.
Ушли б вы в небеса, из труб чадающих,
Самых «гуманных» в мире лагерей...
А нынче вы торите тропки в НАТО.
Зачем? Кого волнует сей вопрос.
Ведь там, на обезличенное стадо
Всегда был и сейчас - особый спрос.
Забыли вы союзных взлётов чудо.
Иная страсть в сердцах ваших горит...
Блаженствуйте и властвуйте, покуда
Народ вам свой не вынесет вердикт!

Эпилог

Меж Третьяков и Волковой деревней,
На «Воробьёвых горах» свет ли, мрак?
Здесь, на земле непаханой и древней,
Стоит войны Отечественной знак.
Слова на нем: «Жертвам фашизма»
С тремя нулями... Сколько павших душ...
Нахапала страна капитализма...
Ну, а фашизм, когда ему был чужд?..
Все ожило, из дальних лет вернулось:
Глубоких впадин бывшие следы.
Как - будто бы сама земля прогнулась
От тяжести невиданной беды!
И лес вокруг давно поднялся к небу,
Как - будто руки тех, кого уж нет.
И просят у живых не дней, не хлеба,
А памяти молчания обет...
Стою один в молчанье у оврага.
Вон - островок, мостки, камыш, трава.
Откуда я бежал ли, плелся шагом?
И как «чужой» вдруг стала голова...

Витебск – Городок – Кострома

1942 – 2002г.

Была война народная

Михаил Иванов

Светлой памяти родных и близких,
безвременно погибших от рук
фашистских захватчиков. 1941-1945гг.

«Когда-нибудь во всей вселенной,
В часы рассветов зоревых,
На переключке мир спасённый
Вспомнит и мёртвых и живых»

В году тревожном предвоенном
Звал в строй ОСОАВИАХИМ.
Каждый мальчишка непременно
Сверял свои поступки с ним.

И была песня, как награда,
И широка и глубока.
Слилась далёкая «Гренада»
С пеньем «Весёлого гудка».

Алели галстуки – искринки,
Скакал Чапаев на коне.
С детством прощальные слезинки
И ныне жалуют ко мне.

Помнится, кот на печь запрыгнул.
Не описать восторг и страх,
Когда слепящим солнцем вспыхнул
После лучины свет в домах.

Но хмарь тревожила границы.
Трубил корчагинский горнист.
Мне и сегодня парень снится:
Ярко – весёлый тракторист.

Судьба... Дорогой долгой,
Причалив к этим берегам,
Я слышу песню «Волга-Волга»
Она несла надежду нам.

Чтобы жила страна родная,
И сказка былью обросла.
«Каховка» - песня заводная,
С винтовкой облик обрела.

По Ворошиловски - в десятку.
На грудь, как орден, ГТО.
Прошёлся брат в тот день вприсядку.
Он был парняга на все сто.

Не обладал особой статью.
Но слышал часто я: «Дубок».
Он двухпудовик под кроватью,
Как друга верного берёт.

Бывало, знаю я, бывало
На вечеринке, сгоряча,
Кое-кому перепало
В стычках с парнями за девчат.

Посёлок «Должа», рядом «Шилы»,
Озёра, речка, стадион.
Одной семьёй любили, жили.
И вот явился миру «Он».

Фашист – везде фашист. Всё верно.
Земля и небо – гул и дым.
И явь не та, что-то примерно,
Как будто день вдруг стал седым.

И мы на мушке, как мишени.
Но и в те дни что-то могли...
И вихри пепла, словно тени,
Вместо людей дорогой шли.

А следом пленных строй унылый,
В бинтах кровавых, босиком.
И во дворах собаки выли.
Спешили бабы с молоком.

Хватали руки жадно крынки.
Казалось, день стонал: «Воды!»
Ревели бабы, на поминки
Похожи были их труды...

Угрюмый фриц из автомата
Поставил точку, и затих
Истошный гвалт, и три солдата
В пыли, три жизни молодых.

Прошла колонна, поредели
Её ряды в конце села.
Ушли, попрятались, посмели.
Их честь в иную даль звала.

Кто уцелел, тех лес в объятья
Принял, как близких и родных.
Сынов в село пришло и братьев.
Потом узнает мир о них.

Фронт откатил, лишь временами
Гул доносили небеса.
У горизонта, за домами,
Тревожно замерли леса.

Флаги со свастикой паучьей.
Управа... Староста, как бог:
Спьяну нагрянет туча – тучей...
Уйдёт... А в спину: «Чтоб ты сдох!»

Кому отмерит пару палок...
Да и десяток – не предел.
Разве подобный путь не сладок
Для мастеров заплечных дел.

Для тех, кто запросто входили
Без стука в дверь, как в дом родной.
Шнапс разливали, ели, пили,
Гармошкой балуясь губной.

Совали малышне конфетки.
Курей ловили... И нужду
Справляли тут же, словно детки,
Ещё ползущие, к стыду.

По погребам, дворам шныряли,
Как псы, почуявшие дичь.
Такую сметку проявляли,
Уму простому не постичь.

Шумок из дома в дом. Девчата –
По погребам, а то и в лес.
Ещё не вызрела расплата,
Но непокой гулял окрест.

* * *

Деньком погожим рыбку ловим
С лодки у берега с дружкой.
Ещё не видели улова,
Как слышим чуждое: «Ком!... Ком!...»

Сядутся фрицы в лодку, двое.
Ведро с гранатами... «Глушить!...»
Таким вот методом – разбоя.
Как тут стерпеть, не услужить.

Гребу туда, где и в помине
Ерша, не то что рыбы, нет.
Но в этом (знать бы мне) почине
Таился каверзный ответ.

Когда от взрыва дно взлетело,
Один из фрицев головой
Вертел в окружку: В чём тут дело?..
Коль рыбы нет, есть рулевой.

И вот не мало и не много.
Кто знал из нас двоих о том:
Вдали от берега родного
Мы оказались за бортом.

Вода сентябрьская – не ванна.
Но разве мы не на войне.
Хотя для каждого болвана
Исход понятен был вполне.

Плывём как можем, что тут скажешь.
Исход предвидеть не дано.
Приблизить сушу не прикажешь.
А под ногами, где то дно?

Вдобавок фриц из толстозадых,
Целясь веслом, пугал: «Пух, пух!...»
Наверно всё ж мы были рады,
Что не иным был этот звук.

Пловцы мы были не плохие,
Всё же у озера росли.
Заплывы дальние лихие
Нас и на этот раз спасли.

* * *

И вот, похоже, что не враки
Услышать вскоре довелось:
Утопи фрицы те, бедняги.
Кто им помог, тех не нашлось.

А позже с острова по пляжу,
Где фрицы грели телеса,
Из «Дегтеря» пальнут, но смажут.
Эхом откликнутся леса.

Сам островок взлетит под небо.
Наверняка был лётчик ас.
Но кто пальнул, там уже не был.
Уплыл, ушёл в урочный час.

Вся на ушах комендатура.
Управа взяла на учёт
Всех до шестнадцати... Не дура.
Не знал конца германский счёт.

Любой считался виноватым.
И, как «бандит», шёл на распыл.
Только за то, что был «десятым».
И свою Родину любил...

Записка нас нашла под дверью:
Двоим сестрёнкам и Петру.
Явить семейную потерю
В Управу завтра по утрам.

Вопрос ребром: «Куда деваться?»...
Часы на сборы, благо – конь.
Что взять с собой и с чем расстаться?
Ведь всё родное, что ни тронь.

Дорога лесом. Ягод – море...
Уже которая верста.
Что впереди? Удача? Горе?
А в общей сложности – беда.

Лишь малым всё в окружку мило.
Телега им как детский сад.
Своё им солнышко светило.
Но кто из нас тому был рад?

* * *

Кончаны – Родина отцова.
Куда с оравой? Не вопрос.
Бывший детсад, домина новый.
Вселил, не странно ли, колхоз.

Сюда пока в места глухие
«Порядок новый» не добрёл.
Но полицейские лихие –
На лбу пилотка к ней орёл.

И вопреки войне, печалям,
Жизнь всё же правила к себе.
Любили, пели, не молчали,
Доверясь полностью судьбе.

В селе росла девица Галя.
Жених был – старосты сынок.
Бывало скажет: «Моя краля!»
И падал ниц у её ног.

Таким вот пьяненьким повесой,
С повязкою на рукаве.
Пугал подростков винторезом,
И схлопотал по голове.

И дураком с тех пор стал явным.
Приходит, ждёт что подадут.
Напрочь забыл, когда был пьяным.
Да и самого как зовут.

Кто приложил так тяжко руку,
И вынес жёсткий приговор?
О том ни слуху и ни духу.
И мне не ясно до сих пор.

Зверя, староста поклялся
За сына шеи всем свернуть.
После на многих отыгрался,
Сплавив на рабство в дальний путь.

Петруха – брат под подозренье
Чуть ли не с первых дней попал.
К власти не то, что уваженье,
Скорее ненависть питал.

Баланс спокойствия нарушил,
Может кому и не понять.
Был за других равнодушен
И за себя мог постоять.

И говорок шёл по посёлку,
Что, дескать, Галя льнёт к Петру.
И кто-то видел: по просёлку
Они шли вместе поутру.

Тут уж для старосты, конечно,
Петро был первый кандидат
В края германские навечно.
Такая ж участь ждёт девчат.

* * *

И вот Петро с двумя друзьями.
Все при винтовках, хмурым днём,
Явился, вымолвив: «Мы сами...»
Он верил в то, что мы поймём.

Поймём какой он шаг свершает,
Став полицейским, почему?
Кого винит? Что защищает?
О том судить только ему.

И вот пришло: по сыну, брату
Поминки. Плач со всех сторон:
На партизанскую засаду
Их напоролся гарнизон.

У горя нет конца и края,
И приговор его один.
Но есть судьба, она-то знает
Кто её раб, кто господин.

И вот однажды тёмной ночью.
Под гром небес и ветра вой.
И не во сне, предстал воочью
В дверях Петро, родной, живой!..

Радость как миг, и на рассвете
Ушёл братуха – партизан.
Предатель (где их нет?) приметил.
Он нюхом чуял, распознал.

Но сам, как заяц, шёл по кругу.
Расплата зрела и ждала.
И за продажную услугу
В постели собственной нашла.

Предатель пал и нет сестрёнок,
О том поведал я давно.
И за помин родных девчонок.
Пил долго горькое вино.

Братуха крепко бил фашистов.
Он мститель был ещё какой!
Как говорили был неистов,
Сплавляя фрицев на покой.

Рядом Галюха шла. Любовью
Их краткий путь отмечен был.
Но на судьбину, даже вдовью
Враг своё veto наложил.

Потерю кто измерит эту?
Презренье к смерти, месть и кровь!
Кого подвигнет к жизни, свету,
Когда обрушилась любовь?..

И вот невольно, просто к слову,
Молва о том не даст соврать.
Сулили марки и корову,
Тому, кто брата немцу сдаст.

Но не нашлось... Я помню, знаю,
Уж был солдат я, не пацан,
Приняла армия родная
В строй белорусских партизан.

Смотрел полковник на Петруху.
Парень с медалями. Хорош!
Шагнул навстречу, пожал руку.
«В противотанковый пойдёшь?!

Померишься с «Гудерианом»
Его «Пантеры» ждут приказ.
Своим железным ураганом
Он проутюжил нас не раз».

Противотанковая пушка.
Прицел 120... Заряжай!..
Ба-льшой серьёзности игрушка.
Ну что, Петруха, укрощай!

Однако ждали, волновались.
Блиндаж., позиция, окоп...
Снаряд!.. Прицел!.. Тренировались,
Чтобы загнать фашиста в гроб.

И вот однажды ранней – ранью,
Когда сморил солдата сон,
Блиндаж взорвался гулкой бранью.
Ожил окопный гарнизон.

Снаружи лопнула граната.
Стук автомата... Где?.. Ага!..
Вышел привет от супостата,
Покаместь пешего врага.

Однако трое навалились.
«Язык?!.. Ну будет вам язык!..»
Так развернулся, раскатились,
Кто не успел, тому кердык.

Один со «шмайсером» у входа.
Зевнул, садова голова...
Бой рукопашный, как охота,
Завидел зверя, не зевай...

Петру знаком тяжёлый «шмайсер»
С боезапасом, будто ждал.
Вот бы узнал германский мастер,
В чьи руки «ствол» его попал.

Прошёлся Пётр с этой игрушкой,
Как и положено, с бедра...
Была серьёзная усушка
Фрицам под грозное «Ура!»

* * *

Рассветный час, деревня Беты.
Уезд Любавский, лес, большак...
Гудериана ли «приветы»,
Его ли прёт на пушку танк?

Броня, броня... Железный скрежет...
Пушка, окоп, да мы с тобой...
Вот-вот сомнёт, растопчет, срежет...
Но ведь пока не кончен бой.

Ага!.. Горит!.. И тут же следом
Свалился с гусениц второй.
И полыхнул слепящим светом...
Стал бой смертельной игрой.

«Бутылка» в пору, тяжесть связки
Гранат, и цела голова...
«Ну как же вышло так - без каски!..»
Шли запоздалые слова.

Застыла, замерла махина,
В бессильной ярости осев.
«Вот и нашла тебя могила»... -
Шепнуть в последний миг успев...

И взрывы с вихрями сшибались.
Леса горели и поля.
Казалось мёртвые вставали.
И с ними мать – сыра земля.

Короткий бой, такая малость...
Позже обронит политрук:
«Им под завязку всем досталось.
Но не сойдёт фашисту с рук!»..

* * *

В штабе приказ полковник ладил.
Ведь танки так и не прошли.
В раздумье лысый череп гладил.
Ждал слов: «Резервы подошли».

Братуху прочили в герои.
Ведь девять танков на счету.

Хотя достаточно и трое.
Чтоб подвести эту черту.

Но вот дилемма: был «замазан».
Решить бы правдой по уму.
Брат был самой судьбой наказан.
Спасая в те часы семью.

В те дни полиция – не шутка.
Замазан точно – это факт.
Но если править от рассудка,
Парень предпринял верный шаг.

Чист был солдат перед страною,
И в этом главном парень прав.
Не спасовал перед бронёю,
Своею смертью – смерть поправ.

Какой приказ тогда сработал?
Кто какой пункт в него вписал?
Но орден «Знамени» на фото
Его я точно видел сам.

И пожелтевшие страницы
Газеты давней фронтовой,
Не знавшей нынешней границы,
Хранят Петра последний бой.

ЭПИЛОГ

В село Полешино, сюда,
Где петухи поют рассветы,
Перенесён был прах Петра
Из той Литвы, деревни Беты.

О, этот тяжкий скромный знак –
Страж и фамилиям и датам...
Я не хотел бы слышать, знать
За что же гибли там солдаты?

Утехой давней служит мысль:
Здесь обрели покой ребята –
И партизаны и солдаты.
Здесь на родной земле сошлись.

Мой брат - Иванов Пётр Данилович, 1922 г. рождения., место рожд.: Витебская область, Городокский район, дер.Кончаны. Призван из партизанского отряда им. Суворова, бригада им. Ленина, Витебская обл. в 1944 году. Последнее место службы: штаб 47 С.Д. Старший сержант, помощник командира орудия, наводчик. Кандидат в члены ВКПБ. Убит в бою 21.02.1945г. дер. Беты Любавского уезда, Литовская ССР. В Красной Армии с 25.07.1944 г. по 21.02.1945 г.

Награжден:

- 31.10.1944 г. - Орден «Отечественной войны» 2 степени
- 13.12.1944 г. - Орден «Красного знамени»
- 30.12.1944 г. - Медаль «За отвагу»
- 10.01.1945 г. - Медаль «За боевые заслуги»

Источник информации: ЦАМО.

Витебск – Городок – Кончаны – Полешино 1945-2010г.

СНЫ

Михаил Иванов

По мотивам поэмы «Тарас на Парнасе»

Предисловие

Кто не знавал суперагента
С клеймом бесовским во весь лоб?
Спеца таких экспериментов,
Что не забудутся по гроб:
Судьбу и честь самой державы
Поставил сей игрок на кон.
И пережив «минуты славы»,
Возвел предательство в закон.
И надо ж так: себя ни разу
«Не подмочил». В душе хранил
Тайну заморского заказа,
О чем народ мой и не снил.
И вот однажды как то ночью,
Когда к утру я задремал,
Невероятных дел воочью
Немым свидетелем я стал.

1

Иду я будто бы, и странно:
Глухая ночь, болото, мхи.
Хотя поднялся я не рано,
Как раз пропели петухи.
Гляжу: в сторонке – тени: трое.
Зверье ли, люди – не понять,
А вслед за ними плотным строем,
Ватагой темной – не узнать.
Лишь ветерок донес позднее
(Пес ли, зверек какой скулил)
Там, где поляна, а за нею
Просторы Пущи, «Вискули».
Вдруг будто занавес открылся,
И черной тенью зверь ли, бес,
Воздевши лапы, распрямился.
И стон пронзил землю и лес.
И словно громом поразило
Меня в тот миг, хоть и не знал,
Взялась откуда эта сила.

И от чего я так устал?
Присел на пень возле повала
И онемел весь!... надо ж ведь:
Из-за ближайшей ели валит
Как есть хоромино-медведь.
Хоть не трусливый я детина,
А тут затрясся, как осина.
Зубами такты отбиваю,
Куда б скакнуть не забываю.
Гляжу – повалена лесина.
Скакнул, да так, что в поднебесье
Вознесся я в единый мах.
Тут не иначе – силы бесьи.
Ведь как ни как: я – в небесах!
Парю без страха, невесомо.
Дивлюсь, восторженно дышу,
Будто не в небе я, а дома,
И приземлиться не спешу.
Вон и земля внизу кружится
В пространстве звездном – божий дар.
Но что такое?... Уж не снится ль?...
Все пышет пламенем!... Пожар!...
Неужто сам «Ваал» вступает
В права, и в огненных котлах,
Души заблудшие скупая,
Сжигает всех и вся до тла?!...
А как же я? Где же спасенье?
Куда низринусь – не вопрос.
Молюсь без слов и слышу пенье.
И не скрываю горьких слез.
«Христос воскрес! – поют во Храме.
Но грустно мне... душа молчит.
Мир полон крови и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит,
И говорит: смотрите сами
Чего достиг наш славный век,
Как опозорен человек»...
Летал я долго или мало,
Того и сам не понимал.
Одно лишь помню – рассветало,
Когда на землю я упал.
И хоть в болотину по уши
Я ухнул с неба... но “Ура!”
Как же милы родные лужи!...

Но осмотреться все ж пора.
Поляну вижу и лесину.
А вот пенек, где отдыхал.
Придя в себя, гляжу я – сгинул
Медведь, как – будто не бывал.
Но лес качнулся вдруг, и рев
Прошелся верхом, словно гром.
И я, плутая меж дерев,
Слова услышал в гуле том:
«Ты здесь чужой, и лес – не твой,
Земля вокруг и впереди.
Ты жалкий раб передо мной!
Здесь я хозяин... Уходи!...»
Медвежий дух я ощутил,
И эхо все еще катилось.
Видно, хозяин не шутил,
Или все это мне приснилось?
Однако, вот он – лес, болото,
Земля, где места нету мне.
Выходит, что не я, а кто-то
Вместо меня сидел на пне?
Тут, не иначе, наважденье,
Когда не знаешь, где беда.
Но чует сердце направленье
И тихо шепчет мне: «туда».

2

«Вот диво! Вид вокруг чудесный,
Ну, словно кто намалевал.
Уйма цветов, мне неизвестных,
Россыпь знакомых узнавал.
И пташки так поют уж сладко,
Поют изрядней соловья.
Помилуй боже, вот загадка!
Куда же это прыгнул я?»
Ширь неоглядная, в долине
Храм златоглавый, города,
И чуть повыше, в дымке синей
Уж не моя ль горит звезда?
И люд так чинно, говорливо
Мимо меня тек, не спешил.
И девы шли неторопливо
На удивленье хороши!
«Боги в застолье, словно люди:

Нептун и Зевс и с ними – Марс.
Богиня Геба ставит блюда
И наливает в кружки квас»
Мне поднесла: «Испей-ка квасу!...»
И, опрокинув кружки две,
Повеселел я как-то сразу,
И прояснилось в голове.
«Тянуть квасок тот боги стали,
Из бочки в кружки так и льют.
Напившись, песни заорали.
Но как задиристо поют!
Такие выдали припевки,
Что невозможно повторить.
Краснел народ, особо – девки:
Такое стали разводить...»
Хоть не мое то, правда, дело
Люблю и я (чего скрывать)
Потешить душу, да и тело,
И тут же взялся подпевать.
И закружили хороводы
Вокруг и около меня.
С крыниц, журча, полились воды,
Своей прозрачностью маня.
А на горе высокой – воин
В доспехах тяжких на коне.
Кузнец и пахарь, рядом двое,
Идут, приветно машут мне.
Вдали стада в лугах зеленых
Пестрят под солнцем у реки.
И благовестом опьянены
Идут к обедне старики.
И так дышалось мне свободно...
Но где все это видел я?
Был бы чужой я здесь, безродный.
Но это ж Родина моя!
Здесь я учился, рос, не прячась,
В школе, где парк... вон та сосна
На берегу, где мы, дурачась,
Сигали в темень вод до дна.
А вон отец и мать на грядках
Склонились рядышком, вдвоем.
Играют сестры, братья в прятки,
Стоит целехонек наш дом.
Все живы, веселы, здоровы.
И нет убитых на войне

С детства любимая корова
Пеструха бродит по стерне.
Но кто я здесь? Как появился?
Как путь нашел я в этот край?
Кто за меня так помолился,
Чтоб я увидел этот рай?

3

Стоял я долго и дивился,
И, рот разинувши, глядел,
Как вдруг откуда-то явился
(Для неотложных видно дел)
Воин на лошади, тот самый,
И на меня хмуро смотрел.
Ну, я мужик хоть и упрямый,
Но малость все же припотев,
«Куда, отколь дорога эта?» –
Спросил его я, осмелев.
«Дорога эта с того света
Куда идет – ведет? Сюрприз» –
Сказал и сгинул в одночасье.
А я лечу (страсти – мордасти!)
И не куда – ни будь, а вниз.
Не помню, как я приземлялся,
И не вопрос даже – куда.
Тут важен факт: живой остался.
Однако, встал не без труда.
И вижу я: народу много.
Базар ли, свара, крики, визг.
И все стремятся вверх: дорогой,
Откуда я скатился вниз.
Пробрался ближе. Что за лихо:
Народ все важный – господа.
Кто, сломя голову, кто тихо,
Все лезут на гору. Беда!
Мешки с собой тащат, баулы,
Аж пот с иных ручьями льет.
И не понять, кому кто скулы
Успел свернуть, кого кто бьет?
Один, крутой, вперед прорвался
С тугой мошной через плечо,
Из скорохватов, но сорвался.
А вслед за ним еще... еще...
И уж клубок катит под гору.

Дождем – монеты, блеск и звон.
Метель купюр. Гульнуть бы впору,
А тут аврал со всех сторон.

4

Вдруг стало тихо, гвалт истаял,
Базар распался. И вперед,
С каждой минутой нарастая,
К вершине двинулся народ.
Но вот все разом присмирели.
Толпа раздалась в два конца,
И словно птицы пролетели
Четыре бравых молодца:
Сам Пушкин, Лермонтов, Жуковский,
Толстой, за ними Маяковский,
И Горький с Чеховым на пару.
А дальше – строй знакомых лиц,
Чей путь печатного товару
Давно не ведает границ.
Прошли вожди и музыканты,
Умы великих славных дней,
Творений праведных таланты,
Кому из всех было видней,
Где мелюзга, а где – Атланты.
Ради чего страдал Антей.
Кто собирал в семью народы,
Где всяк приемлем был язык,
Кто не юлил и от природы
Был постоянен и велик.
Шли просто люди: не «Иваны»,
Мужи – вершители судеб,
И шелестя, как тараканы,
Шнырял среди публики «Нардеп»:
Дельцы с мандатами «в угоду».
Скрипуче слышалось: «Вперёд!»
Немало тут было и сброду:
«Суперстрадальцев» за народ.
Один, не бритый, всем на диво,
Тащился следом за толпой,
Звал на борьбу «за справедливость»
И уверял, что не слепой.
Другой (шутник из либералов,
С руководящим ярлыком)
Дубасил слева и направо

Всех, кто был рядом, кулаком.
Но время так и не хватило
Этим «борцам за высоту»,
Пока небесное светило
Меняло свет на темноту.
Однако мне куда приткнуться?
Похоже, я опять проспал.
И не успел я оглянуться,
Как в переплет опять попал.

5

Туман ли, дым? Глухое место.
Вонь – да такая – нету слов!
И недалеко под навесом
Шныряют тени у котлов.
Тип волосатый кочергою
В костре дровишки ворошит.
Как видно – баня. Кого моют?
Кто так истошно верещит?
И точно, баня. Бесов трое,
«Шуруют» жертву, та орет,
И матом так заправски кроет,
Что прямо оторопь берет.
Так ведь «мочалют» не мочалкой:
По ребрам шастает метла.
Да еще вздетая на палку.
Понятно дело – до бела.
И тут мыслишка – дзынь: сюда бы
Кремлевских «черных кобелей».
Не до бела пусть, но хотя бы
От лишней спеси и соплей.
Тогда б уж точно нас спросили:
Кто и каких достоин мест...
Но тут, хотя не пригласили,
Но я и сам в проблемы влез.

6

Клетки вижу в ряд, таблички.
В клетках тварей разных смесь,
С человеческим обличем,
В голом виде все как есть.
И у многих шерсть медвежья
Бурой шубой до пупка.

Ниже вроде бы пореже,
Припорошено слегка.
И в навозе все по уши.
Мать божья!... Но молчат.
И у многих из макушек
Рожки странные торчат.
В клетях строго пораздельно
Все как есть по одному.
Не дано, видать, с артелью
Сладить черту самому.
Оттого вот так и моют
Одиночек бедолаг.
Видно, жертвы того стоят.
Ну-ка, что тут за Гулаг?
Ба! Знакомые все лица.
Даже верится с трудом:
Генеральный суется,
С черным памятным клеймом.
Рядом с ним «трехпалый молох»
В играх бесовских собрат.
Видно, путь его был долог
До Иудиных наград.
Тут же двое не из местных
Как же всех их не признать –
Шайка татей всем известных.
Как иначе их назвать?
Шокоспец им басни баит.
Зад блестит: мол, все что есть...
Ни прибавить, не убавить,
И уж в точности – не съесть.
Звездный флаг над его клетью.
Из каких таких щедрот?...
Бес явился, машет плетью.
Целил, целил, кривил рот,
Размахнулся, да с присвистом,
Приложил спеца – да так –
Пуще всякого артиста.
Тот ударился в гопак.
Рыжий тип с «волчьим билетом».
Друга тут же поддержал.
Видно, бес при всем при этом
Их особо «ублажал».
Свистнет раз и пара пляшет.
Бес ничуть не устает.
И что странно: не промажет,

И в потемках достает.
Вроде вижу, но не верю.
Где тут вопли, стоны, визг?
Слышу: гвалт стоит за дверью.
По ступенькам шпарю вниз.
Тут мне черт те что сдается:
Стая кошек ли, собак?
Пляшет, воеет и смеется.
Не иначе как бардак!
Сверху вроде как с экрана,
Струи быстрых скользких змей,
Вниз текут, как кровь из раны,
Растворяясь средь теней.
И такое ощущение,
Будто гад ползучих сток.
Возбуждают омертвление,
Как воды живой глоток.
Мураши!... мороз по коже!...
Гады тени шевелят.
Кто кого сосет и гложет,
И кому благоволят?...

7

Вот они – «вожди» со свитой,
Господа идут к столам.
Новомодная элита
Разместилась тут и там.
От артистов до генсеков,
Олигархов, бизнес звезд.
От святых пройдох до зеков,
Как один подняли тост.
Только вижу, что за лихо:
Ни бокалов, ни столов.
Все несутся в пляске дикой,
Будто дьявол в сто голов.
То, пробившись сквозь потемки,
Рев знакомый свод потряс.
Узнаю, чьи тут потомки
Славят так медвежий глас.
Тут и сам я не заметил.
Как возник иной расклад:
За столом уже медведи,
Как огурчики, сидят.
Непонятное явление.

Чего мыслят предпринять?
Не мамоне ль поклоненье
Собралися исполнять?
Вижу: лапы поднимают
И кивают дружно в лад.
Видно, путь определяют.
Но в какой, спросить бы, ад?
И спросил бы, но немеет
Мой язык: медвежий дух –
Он ведь всех препон сильнее.
Отравляет все вокруг.
Главный просто бесподобен:
Во главе стола сидит
«Гризли». Он ведь тем удобен,
Что в любой сезон не спит.
«Шатуны» они – повсюду
И едины тут и там.
Знаю точно, врать не буду,
Потому как вот он: сам,
Крестный мой лесной, скотина!
На меня, подлец глядит.
Видно есть на то причина.
Вон как пялится, бандит!
Не трусливый я детина,
Но дрожу... а где лесина?
Вышло: некуда скакнуть.
Одное осталось: пнуть!
Развернулся, да с подскоком,
Как Чак Норрис, р-раз!... и вот...
Одним словом, вышел боком
Мне в ту ночь этот поход.
Охромел на одну ногу:
Угодил в стену, да как!...
Но очнулся, слава богу,
Хотя смысла в том с пятак.
Потому как не причина
Сны, но явь – она вокруг.
Вот и снится чертовщина,
Замыкая адов круг.

Ногинск – Кострома
2001 – 2008

Клиническая поэма

Михаил Иванов

Предисловие

«У власти свой похабный этикет.
Король всегда перед народом голый.
И все же он одет... в авторитет!-
Костюм, увы, и пышный и тяжелый.
Король, срамец, идет среди двора.
Летят века – ни дна им ни покрывки.
А мы глядим. А мы вопим: «Ура!!!»
И нет средь нас наивного мальчишки.»

* * *

Так, - подумал я, - допустим.
Мальца нет, а где народ?
По всему выходит, струсил.
Как же так?... Открыл я рот...

Тут, я вроде как запнулся.
И поверьте, не совру:
Спал ли нет ли, но очнулся
Где? – Не знаю по утру.

Понемногу осмотревшись.
Очутился... (Ну дела!)
Среди граждан не одевшись.
Весь, как мама родила!

«Ни хрена себе начало!!!»
Помню, пер я напролом.
Вышиб двери... полегчало...
Дале – трон, и я на нем.

Не успел определиться.
Слышу голос: чего ждешь?
Отвечай, мол, что за птица?
Не взыщи, коли соврешь!

Постучал я по короне.
(Речь пока держу в уме)
Цыц! – ору, - сижусь на троне
Не в каком-нибудь дерьме!...

Дале – слог не для печати.
Приумолк, растерян люд.
Пусть не полностью, отчасти
Поутих словесный блуд.

Тут же сходу, как ни странно,
И команду сколотил.
За дела взялись так рьяно,
Будто дьявол подрядил.

И, подкинув плюрализму,
Заморочил так мозги,
Что ни сверху и ни снизу,
Ни в окружку – а ни зги.

Глухотемень, как в подвале.
Хотя трон, глаза при мне...
Одним словом, воевали.
Было весело в стране...

Правил коротко ли, долго...
Глядь! – держава на ушах!
Как бы выразиться толком?
Одним словом, дело – швах!

А короче – привалило:
Отощал народец, мор.
И попутно накатило:
Косяком за воров – вор,

Киллер, тать, колдун, мошенник,
Сутенер и прочий сброд.
И тащится, словно пленник,
За оравой сей – народ.

По пути впадая в детство.
Обезглавив доброту,
Меты черного наследства
Обретая на ходу.

И гремит такая слава.
(Позавидуешь врагу)
Криминал признал: держава
У коррупции в долгу.

Потому как дело знает
И не спит «авторитет».
Поголовно всех «шмонает»
Сверху вниз, удержу нет.

Тащат, грабят и скупают.
Как на штурм врага идут.
МУР, естественно, «копает»:
Дескать, кто виновник тут?

Кто продукты разбазарил
И товары тормознул?...
Бомж за спички на базаре
Три с полтиною загнул!

А махра!... А папиросы!...
О «водяре» нету слов!
Так и сыпятыся угрозы:
«Не нальете – будет кровь!»

И сухой закон так резво
Пробежался по стране,
Что сосед, отвеку трезвый,
День орал: «Налейте мне!»

Тягу эту к алкаголю
Испытал и я не раз.
И считаю: пить, так вволю.
Вот такой мой был указ.

Взял бумагу, расписался.
Штамп, печать... гуляй, народ!...
Трон, однако, зашатался.
Не успел открыть я рот...

Глядь! – толпа сплелась с толпою.
Свист дубинок, дым, огонь...
«Что случилось, друг, с тобою?!»
«Отойди!... Убью!... Не тронь!...»

По обличью и по цвету,
Мол, не тот, не наш, не свой!...
Вавилона давно нету.
Значит, худо с головой?

Худо, братцы, ох как худо!
Шахтерня, рабочий люд.
Все качнулись за иудой:
Мол, даешь свободный труд!

И явился враз, как в сказке,
Вот он, слышно за версту:
Что ни день молотят каски
По Горбатову мосту.

При таком провальном деле,
Я бы скрылся втихаря,
Если б рядом не сидели
Два ответственных хмыря.

Покалякали, и вижу –
Не ту песенку поют:
Пентагону и Парижу
Предпочтенье отдают.

Помню, я невольно вякнул:
Кус чужой, мол, рот дерет.
Хмырь в ответ такое брякнул –
До сих пор кондрашка бьет:

«На хрена, - орет, - нам суша
От морей и до морей!
Раскроим ее по душам
На троих и поскорей!...

Дескать, ждате и нить негоже,
Размахнулся, так и бей.
Отступить – себе дороже.
В бой ввязался – не робей!

Тут поднять было бы впору
Нашу троицу на смех:
На распыл – такую «гору»?!...
Как не выпить за успех?

Долго, коротко ли, спелись
Под огурчик хрусткий в рот.
К петухам как раз успели.
Пока спал честной народ.

И посыпались презенты,
Как с дерев осенний лист:
Косяками президенты
За «державный гуж» взялись.

Тащат все, кому что ближе:
Землю, воду, лес и дол.
И никто из них ни грыжу,
Ни колит не приобрел.

Я в ответ шараду выдал
И добавил: «Вашу мать!...»
Вдруг смотрю: на танке «идол!»
Как сие тут понимать?

Сединой трясет, трехпалой
Машет в ярости рукой...
И покрылся черным палом
Герб Державный за рекой...

Помню, с грохотом и свистом
Я летел какой-то миг.
Не рожден я оптимистом,
Но земли все же достиг.

Встал, гляжу: глухое место
Вроде склепа, плесень, вонь.
Дальше вижу: под навесом
Дым, котел, под ним – огонь.

Бес рогатый кочергою
Шевелит дрова в костре.
«Что за варево такое?
Для кого кипит в котле?»

Вот еще рогатых трое
Жертву тащат. Та орет.
И притом, так матом кроет –
Прямо оторопь берет...

Вытер пот, перекрестился,
Хотя с детства атеист.
Но пейзаж вдруг изменился,
Будто с горки съехал вниз.

Клетки вижу в ряд , таблички.
В клетках тварей разных смесь.
С человеческим обличем
В голом виде все как есть.

И к тому ж, в дерьме по уши.
«Матерь божья!...» Но молчат.
И у многих из макушек
Рожки странные торчат.

Для порядка санитары
Между клетками снуют.
Кто охоч на «тары-бары».
Всем «гостинца» раздают.

Вон оно, кого тут школят,
Лечат в сушку и в котлах.
Видно жертвы того стоят.
«Ну – ка, что тут за «Гулаг?»»

Ба! Знакомые все лица:
С меткой черной во весь лоб
Генеральный суетится,
Как последний в зоне жлоб.

Рядом он – трехпалый «молох»,
Прикрывает голый зад.
Видно путь его был долог
До иудиных наград.

Спец по «шокам» басни баит.
Зад блестит: мол, нате вам!
Нечистоты выгребают
И ворчит, что строит храм.

Рыжий тип (видать с приветом)
Не находит места, злясь:
Рушит клеть, мол, света нету.
Возмущен, ругает власть.

Тут же прибыль подбивает
Олигарх и «зелень» жрет.
И хотя не успеваает,
Всеравно пихает в рот.

А над ним легки, прозрачны,
Как в предгрозе мошара,
Жертвы сделок неудачных
Те, кто «зелень» жрал вчера.

Дальше вижу, чуть в сторонке,
Разглядел, правда, с трудом,
Шоумены в дикой гонке
Упражняются с дубьем.

Из потемок выбегают.
По-звериному рыча,
И дубины опускают
Сходу, истово, с плеча.

Но свалить, убить не могут
Их вселенский шоубрэд
Не опасен, слава богу,
Простаков живых тут нет.

Лишь повсюду движут тени.
«Как бы тут кого признать?»
Присмотрелся: вроде Ленин.
А за ним – за ратью – рать...

Впереди в роли святого
Чин известный в рост стоит.
Кто общался с самим Богом
И врагами не был бит.

И единым мрачным взором
В одну точку, в один взгляд
Зрили вниз все, где с позором
Клеток выстроился ряд.

Кто в них, я уже поведал.
И не стоит повторять.
Одним словом, все кто предал.
Им столетья умирать...

Только выбрал направление.
И – о, боже! – предо мной
В золотистом обрамлении
Лик державный неземной.

Человек!... Но облик дикий!...
Пышут яростью глаза!...
Мать честная! Петр Великий!...
Весь, как Божия гроза!...

Бог ты мой, какая глыба!
Прокатился страх до пят.
И как гром с небес: «На дыбу!!!»
Глядь – поглядь, и я распят!

Слышу, кости затрещали.
«Кто такому нас учил?!...»
Вдруг, как гад какой ужалил!
Заорал я: «Палачи-и-и!!!...»

Подхватился среди ночи.
Не очнулся еще весь.
Пот ручьем, орать нет мочи.
Не врубаюсь, где я есть?

Глядь: супруга шустро встала.
Прихватив с собой подушку.
Цифирь молча намотала,
То есть, звякнула в психушку.

Я, признаться, не в обиде
На жену за сей «презент»,
В сумасшедшую обитель
Я вошел как президент.

Потому, как сан имею
И увесистый кулак.
Обитатели немеют,
Когда я вхожу, вот так!...

Нас спросить читатель вправе:
Где тут правда, а где нет?
Правда – сны, но разве въяве
Мы не зрим подобный бред?

Кто, скажи мне, друг – читатель,
Нынче с психикой в ладу?
И отринет ли создатель
Нашу общую беду?

Даст ли он нам избавленье?
Ну, а сами кто мы есть?
Где нашли себе спасенье?
Куда делись ум и честь?

В окна смотрим сквозь решетки.
Дверь – и танк не прошибет.
За детей дрожим, за шмотки.
Кто так нынче не живет?

«Но зато вы все свободны, -
Говорят нам господа, -
Поезжай, куда угодно,
И летай туда – сюда.

Ах, у вас в кармане пусто?
Зато выбор есть, права:
Голодовка, скажем, с чувством,
Когда кончились слова.

Побездельничать свободно.
Разве плохо помолчать?
Не грешно, если угодно.
Когда бьют, и покричать.

Говорите, что вам больно!
Не дают даже кричать?
На сей счет любому вольно
В суд пойти – права качать.

Власть не та? - Разве не сами?
Тогда кто голосовал:
И руками и ногами
«Слуг не тех» на верх толкал?...

Вы молчите, и я тоже
Помолчать вроде не прочь.
Но, опять же, кто поможет
Эти бредни превозмочь?

«Мишка был, Борис, Владимир
Правит трезвой головой.
И народ пока не вымер.
На пределе, но живой.

Мишка свял, Борис по-барски
Весь охраной окружен.
Не подсуден он: по-царски
Одарен и поощрен.

Но звонят колокола
По чью душу? Чьи дела?
Слух прошел: «Прозрели Боги:
Не послушны Боре ноги.

Одна крива, другая еле.
Да и сам весь на пределе...»
Скажут мне: сгустил, мол краски.
Жизнь не скуксилась, идет.

Да, идет... под черной маской,
Валит задом наперед...
Правда это или сказка.
Кто с башкой, тот разберет.

П О С Л Е С Л О В И Е

«Зову я смерть, мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянье.
Над простотой глумящуюся ложь.
Ничтожество в роскошном одеянье»

* * *

Я подожду пока и не зову.
Она везде, как тень, за нами бродит.
Я бесов вижу здесь и наяву.
Все как один пекутся о народе.

И в том числе, конечно, обо мне.
Но радость от забот их в жизни гиблой
Я ощущаю разве что во сне,
В краях, где бесам память не отшибло.

У наших земных – наоборот:
Беспамятных, с рогами и без оных,
Пиявками всосавшихся в народ.
Поскольку без него – ни почестей, ни тронов.

И почерк их так въедлив и неистов,
Так изворотлив, нагл и так хитер,
Что даже тех, кто гнал и бил фашистов,
Считают оккупантами с тех пор!

Их нынче тьма—«друзей антифашистов»,
Вознесших в поднебесье триколор.
Им все равно: «расистам» ли, «нашистам»,
Кто на кого под флагом этим пер.

И потому так дружно, так ретиво
(Неважно на кого) оравой прут.
Нашли «фашизм домашнего разлива»,
А крикни: «Фас!» И фюрера найдут!

Кто движет «вал»? Намечены чьи души?
Распорядится кто? И чьей судьбой?...
Не ножки вижу я, а ушки Буша.
Над куцей узколобою толпой.

Где это было? Чья о том забота?
Каких властителей свобод и судных дней?
Идею обесчестить, а работы
Борцам подобным не было родней.

«Порядок новый». Что ж! Знакомый почерк.
Им не стоять «на огненной черте».
Их на Рейхстаге жжет солдатский росчерк.
В святой, как Правда, чистой простоте!

И этой правде нет альтернативы.
Как нет ровни величию тех времен!...
Все явственней надгробные мотивы
Под шорохи «опущенных» знамен.

г. Кострома 1990 – 2006гг.